

Сказка о Красной Шапочке как генерирующий текст произведений постфольклора

Коваль В.И.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье рассматриваются бытующие в сети Интернет современные сказочные тексты, представляющие собой авторские пародии на известную сказку о Красной Шапочке и отличающиеся ярко выраженным национальным колоритом.

Цель данной публикации заключается в выявлении национально маркированных номинаций в постфольклорных «сетевых» текстах, пародирующих сказку «Красная Шапочка». Выявляются языковые средства: имена собственные, аппеллятивы и экзотизмы, — использование которых создаёт в подобных произведениях своеобразную «привязку» к узнаваемым традициям и реалиям определённой культуры — армянской, чукотской, американской и японской. Актуальность темы обусловлена важностью обращения к интернет-ресурсам как новому — виртуальному — пространству, обеспечивающему бытование «постфольклорных» произведений, созданных на основе популярных фольклорных текстов — как народных, так и авторских. Не менее важным является изучение подобных «сетевых» текстов, демонстрирующих в эпоху глобализации, предполагающей «стирание» национальной идентичности, своеобразие культур разных народов.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили национально ориентированные интернет-тексты — пародии на традиционный сюжет о Красной Шапочке. В процессе исследования использовался метод контекстуального анализа в сочетании с приёмами лексико-стилистической интерпретации текста.*

Результаты и их обсуждение. *Наблюдения над «постфольклорными» сказочными текстами, которые характеризуются наличием национально маркированной лексики, позволили выявить основные закономерности в «насыщенности» текстов соответствующими номинациями в зависимости от степени «приближенности» пародийного текста к тексту-источнику. Определено, что особым национальным колоритом отличается текст «Красное Кимоно – Красная Шапочка на японский лад», отражающий не только географические, исторические и культурные реалии (остров Хонсю, гора Фудзияма, гейша, кимоно, самурай, сакура), но мифологические представления японского народа, связанные с призраками и оборотнями.*

Лингвокультурологический анализ «постфольклорных» авторских «сетевых» произведений позволяет охарактеризовать их как особый тип текстов, опирающихся на традиционную форму и наполненных новым (в том числе — авангардистским) содержанием, что позволяет им занять особое место наряду с «классическими» фольклорными сказками, а также с популярными сказками, написанными А.С. Пушкиным, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Д.Н. Маминым-Сибиряком, К.И. Чуковским, А.Н. Толстым и другими авторами.

Заключение. *Несмотря на очевидный иронично-шаржированный характер используемых в рассматриваемых произведениях национальных маркеров, изучение подобных сказок — как в собственно лингвистическом, так и в лингвокультурологическом аспектах — в определённой мере помогает выявить языковую картину мира того или иного народа, адекватно оценить особенности его менталитета.*

Ключевые слова: *сказка «Красная Шапочка», «постфольклор», национальные колорит, маркеры национальной идентичности, экзотизмы.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 81–84)

The Tale of Little Red Riding Hood as a Generating Text for Post-Folklore

Koval V.I.

Education Establishment “Francisk Skorina State University of Gomel”, Gomel

The article examines modern fairy-tale texts on the Internet, which are author’s parodies of the famous tale of Little Red Riding Hood and are characterized by a pronounced national flavor.

The purpose of this article is to identify nationally labeled nominations in post-folklore “online” texts parodying the fairy tale “Little Red Riding Hood”. Linguistic means are revealed: proper names, appellatives and exoticism, the use of which creates in such

works a kind of “binding” to recognizable traditions and realities of a particular culture — Armenian, Chukchi, American and Japanese. The relevance of the topic is due to the importance of accessing Internet resources as a new virtual space that ensures the existence of “post-folklore” works based on popular folklore texts, both folk and author’s. Equally important is the study of such “online” texts, which demonstrate the uniqueness of cultures of different peoples in the era of globalization, which presupposes the “erasure” of national identity.

Material and methods. The material for the study was nationally oriented Internet texts — parodies of the traditional story about Little Red Riding Hood. In the course of the research, the method of contextual analysis was used in combination with the techniques of lexical and stylistic interpretation of the text.

Findings and their discussion. Observations of “post-folklore” fairy-tale texts, which are characterized by the presence of nationally labeled vocabulary, allowed us to identify the main patterns in the “saturation” of texts with appropriate nominations, depending on the degree of “proximity” of the parody text to the source text. It is determined that the text “Red Kimono — Little Red Riding Hood in the Japanese way” has a special national flavor, reflecting not only geographical, historical and cultural realities (Honsu Island, Mount Fujiyama, geisha, kimono, samurai, sakura), but also mythological representations of the Japanese people associated with ghosts and werewolves.

The linguistic and cultural analysis of the “post-folklore” author’s “online” works allows us to characterize them as a special type of texts based on the traditional form and filled with new (including avant-garde) content, which allows them to occupy a special place along with “classical” folklore tales, as well as with popular fairy tales written by A.S. Pushkin, M.E. Saltykov-Shchedrin, D.N. Mamin-Sibiryak, K.I. Chukovsky, A.N. Tolstoy and other authors.

Conclusion. Despite the obvious ironic and caricatured nature of the national markers used in the works under consideration, the study of such tales — both in linguistic and linguocultural aspects — helps to identify the linguistic picture of the world of a particular people to a certain extent, to adequately assess the features of their mentality.

Key words: fairy tale “Little Red Riding Hood”, “post-folklore”, national color, markers of national identity, exoticism.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 81–84)

Одной из актуальных проблем, обсуждаемых в современной фольклористике, это вопрос о статусе текстов, активно функционирующих в Интернете и являющихся в определённой степени «репликой» традиционных фольклорных текстов. Фольклористами высказываются мнения, согласно которым «традиционной культуры в её исконном земельном виде ныне не существует» [1, с. 17], и «эпоха классического фольклора безвозвратно миновала» [2, с. 4], поэтому его место (но уже не в сфере привычного устного бытования, а в интернет-пространстве) занимают разножанровые тексты — как анонимные, так и авторские, обладающие очевидными признаками фольклорных произведений — традиционностью и активным варьированием. Для обозначения подобных текстов обычно используется термин *постфольклор* [2, с. 4], наряду с которым употребляются варианты номинации: *интернет-фольклор* [3], *сетевое творчество* [4, с. 125], *квазифольклор*, *неофольклор* [1, с. 18] и др. С этой точки зрения рассматриваются, как правило, произведения «городского» фольклора: романсы, несказочная проза, анекдоты, легенды, детский фольклор, фольклор городских субкультур и др.

Совершенно особое место среди «постфольклорных» произведений занимают бытующие в интернет-пространстве оригинальные (как правило, авторские) тексты, пародирующие известные сказочные сюжеты. Появление «постфольклорных» сказок вполне закономерно, поскольку оно отражает неуклонное развитие фольклора, выражающееся в обновлении его формы: «Уже не одно десятилетие ведутся разговоры о том, вымирает ли фольклорная сказка. Но если можно согласиться с тем, что традиционная волшебная сказка, описанная В.Я. Проппом, действительно умирает, то сказка как установка на вымысел и система её

персонажей продолжают жить, хотя приобретают другое свойство. Сказка трансформируется, но по-прежнему восполняет генетически заложенную в человеке потребность в игре. А виртуальное пространство оказывается самым благодатным полем для игр и фантастических миров» [5].

Для иллюстрации современных «постфольклорных» сказочных интернет-текстов ранее нами были проанализированы семь разносюжетных вариантов сказки «Красная Шапочка», каждый из которых представляет собой невероятную (нередко — «на грани здравого смысла») трансформацию популярного традиционного сюжета, хорошо известного всем с детских лет. Как правило, главная героиня подобных «сказок» оказывается довольно «продвинутой» девушкой-подростком в возрасте 15–16 лет, которая демонстрирует откровенно порочную модель поведения: она преследует и провоцирует своим внешним видом Волка, соблазняет его и при этом, выступая с позиции агрессивного феминизма, отвергает попытки Охотника помочь ей и её Бабушке в смертельно опасной для них ситуации [6]. Очевидно, что в подобных случаях «пародирование сопряжено с переосмыслением поступков персонажей и смысла сказки в целом» [7].

В последнее время в интернет-пространстве были опубликованы другие многочисленные пародийные варианты сказки о Красной Шапочке, также заслуживающие внимания, поскольку события в них разворачиваются «с оглядкой» на традиционный сюжет, но сами тексты имеют при этом ярко выраженную национальную окраску. Лингвистический и лингвокультурологический анализ подобных текстов вполне отвечает требованиям современности, поскольку «глобализация, с одной стороны, способствует становлению единого мира, а с другой — обостряет <...>

проблему межкультурных различий и культурной экспансии» [4, с. 123].

Цель данной статьи заключается в выявлении национально маркированных номинаций в постфольклорных «сетевых» текстах, пародирующих сказку «Красная Шапочка».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили национально ориентированные интернет-тексты — пародии на традиционный сюжет о Красной Шапочке.

В процессе исследования использовался метод контекстуального анализа в сочетании с приёмами лексико-стилистической интерпретации текста.

Результаты и их обсуждение. В приведённых ниже четырёх текстах содержится очевидный национальный «колорит», репрезентируемый соответствующей онимической и апеллятивной лексикой, в том числе — экзотизмами: в «армянском» — озеро *Севан*, красавица *Гаянэ*, бабушка *Арпи*, дедушка *Вартан*, сыновья *Рафик* и *Тофик*; в «чукотском» — *тундра*, *полярная ночь*, *песец* и *чум*; в «американском» — девушка *Джеррика*, «*Playboy*», *револьвер* и маньяк *Джонни де Волк*; в «японском» — остров *Хонсю*, гора *Фудзияма*, *мама-гейша*, праздник «*Хинаматсури*», *саке*, *кимоно* и *сакура*. В то же время степень содержательной соотнесённости каждого из текстов с текстом-«прототипом» различна: от почти полного сюжетного соответствия в «армянской» сказке до «национально маркированного» развития событий в «американском» и особенно в «японском» текстах.

Выразительные национальные армянские лексические маркеры (здесь и далее они выделены курсивом. — В.К.) присутствуют в тексте-пародии «Красная Шапка» (автор — А. Луканов), в значительной мере ориентированном, как уже отмечалось, на традиционный сюжет. Показательно начало «народной армянской сказки» «Красная Шапка»: «Высоко в горах, на берегу озера *Севан*, стояла одинокая хижина, в которой жила мама со своей дочкой, красавицей *Гаянэ*». Бабушка *Арпи* связала своей любимой внучке *Гаянэ* красную шапочку, с которой девочка никогда не расставалась, из-за чего все соседи стали называть ее *Гаянэ-Красная Шапка*. Мама поручает дочке отнести больной бабушке *Арпи* испечённые ею *лаваши*, и девочка отправляется в путь по красивым местам *горной Армении*, срывая альпийские цветы и распевая *армянские народные песни*. Встретив по дороге Волка, Красная Шапка доверчиво рассказывает ему, что она несёт в корзинке и где живёт её бабушка. Коварный Волк не посмел тронуть Красную Шапку, поскольку недалеко велись дорожные работы: дедушка *Вартан* и его сыновья укладывали асфальт. Направив девочку по другой тропинке, жестокий хищник помчался к домику бабушки и сразу же проглотил старушку *Арпи*. Как и в традиционной сказке, Волк, улегшись в бабушкину кровать, начал отвечать на вопросы пришедшей к бабушке Красной Шапки. Так, на вопрос о том, почему у бабушки такие большие уши, Волк заявил:

«Это чтобы слушать твои красивые *армянские народные песни*». Ответ Волка на вопрос о его большом носе («Это чтобы нюхать тебя») показался девочке странным, и она удивлённо спросила: «Ты, бабушка, что ли — собака?». Разъярённый Волк набросился на Красную Шапку, но в это время мимо домика, возвращаясь с обеда на работу, проходили дедушка *Вартан* с сыновьями *Рафиком* и *Тофиком*, которые, услышав шум, вбежали в дом и, расправившись с Волком, освободили *Гаянэ-Красную Шапку* и её бабушку *Арпи* [8].

Достаточно лаконичный текст «Сказки народов Чукотки про Красную Ушанку, её бабушку и рыбий жир» (автор — Л. Каганов) включает, кроме специфических для народов Чукотки и экзотических для русскоязычного читателя номинаций *тундра*, *тюлений жир*, *полярная ночь*, *песец* и *чум*, псевдо-чукотское слово *однако*. В самом тексте, однако, вовсе отсутствует мотив предварительного общения наивной и доверчивой девочки с опасным для неё зверем; вместе с тем в нужный момент главная героиня — Красная Ушанка — смело и решительно расправляется с Песцом и спасает бабушку. Приведём этот текст полностью: «Однако жила-была в далекой *тундре* девочка и звали её Красная Ушанка. Однажды мама напекла лукошко *тюленьего жира*, натопила бидончик *рыбьего жира* и сказала: “Отнеси, *однако*, бабушке, которая живет за *тундрой*. За ночь как раз успеешь, *ночь полярная*”. Надела Красная Ушанка лыжи и побежала по тундре, напевая песенку о том, как она идёт к бабушке. Подслушал эту песню *песец*, прибежал к бабушке, проглотил её, а сам лег посреди *чума*. Пришла Красная Ушанка в бабушкин *чум* и спрашивает: “Однако, бабушка, почему у тебя такой большой хвост?” — “Однако, чтобы пол в *чуме* подметать”, — отвечает *песец*. “Однако, бабушка, а почему у тебя такой маленький рост?” — спрашивает девочка. — “Однако, даже и не знаю, что ответить”, — говорит *песец*. А Красная Ушанка смотрит на него и говорит: “Однако, это не бабушка, а просто какой-то *песец*!” И тут же лыжными палками вспорола *песцу* живот и выпустила бабушку. И стали они жить-поживать да *рыбий жир* попивать. Потому что смелой и догадливой чукотской девочке никакой *песец* не страшен» [9].

В стихотворном тексте Г. Самойлова «Американская Красная Шапочка» главным действующим лицом является довольно взрослая — в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет — девушка *Джеррика*, постоянными атрибутами которой были красная шапка, футболка с эмблемой «*Playboy*» и *револьвер*. События в этом тексте развиваются по «гангстерскому» сценарию с некоторой поправкой на современность: выпив накануне *виски*, *Джеррика* по дороге домой, колеблясь, в духе американских вестернов расправляется со встретившимся ей маньяком *Джонни де Волком*, нахально предложившим ей «свободную любовь»: «Обалдев от такого начала, / Не приемля подобных манер, / Крошка *Джеррика* молча достала / Из бюстгальтера свой *револьвер*. / Грянул выстрел, завыли

сирены, / *Джонни* вскрикнул и тут же упал. / Вот таким оказался плачевным. / Его жизни волчьей финал». Однако для самой *Джеррики* финал этой истории также оказался плачевным: съехавшиеся к месту происшествия репортёры подняли шум на тему защиты прав животных, заговорили «о нелёгкой доле волков», в результате чего девушка получила тюремный срок: «В благословенной *Америке* / В одной *федеральной тюрьме* / Сидит теперь девушка *Джеррика* / И воет при полной луне» [10].

Текст «Красное Кимоно — Красная Шапочка на японский лад», автором которого является В. Немерцалов, в максимальной степени насыщен разнообразными лексическими экзотизмами, создающими яркий национальный колорит. События, описываемые в названной пьесе, происходят на японском острове *Хонсю*, где в хижине у подножия горы *Фудзияма* живёт с мамой-гейшей маленькая послушная и трудолюбивая девочка. На праздник «*Хинаматсури*» (день японских девочек) мама подарила девочке красивое красное кимоно, и «девочка носила его, почти не снимая», а соседи, увидев её, издали кричали: «*Коннитива* (=добрый день), *Красное Кимоно!*». Некоторое время спустя мама поручает девочке отнести её бабушке *рисовых колобков, суши*, квашеной редьки и горшочек *sake*. Проходя через лес *криптомерий* (криптомерия — вечнозеленое дерево, считающееся национальным символом Японии. — В.К.), Красное Кимоно встретила Волка-оборотня, принявшего вид обычного крестьянина, и исчерпывающе ответила на все его вопросы: «Люди называют меня *Красное Кимоно*, а иду я на праздник к бабушке, несу ей *рисовые колобки, суши*, квашеную редьку и *sake*. Бабушкин домик — в уединении. Луна... Хризантемы... В придачу к ним — клочок небольшого поля». Дальнейший ход событий в пьесе приобретает ярко выраженный мистический характер, передающий традиционную японскую культуру: на сцене появляется бабушка в чёрном кимоно и скрывается в своём домике, а примчавшийся Волк-оборотень врывается в дом и съедает бабушку, призрак которой в белом кимоно проходит сквозь стену домика и вскоре превращается в цветущую *сакуру*. Неожиданно появившиеся на сцене *самураи* вытаскивают из домика бабушки Волка и уводят его за кулисы, а пришедшая к бабушке *Красное Кимоно* «заглядывает в её домик и, видя *сакуру*, понимает, что случилось», а в финале она читает стихи-хокку: «Бабушка моя — / Теперь аромат хризантем / И вишни в цвету» [11].

Заключение. Таким образом, очевидно, что популярная сказка «Красная Шапочка» (как и другие известные сказки) может служить надёжной «производящей основой» для многочисленных современных сказочных текстов, локализующихся в интернет-пространстве.

Сюжетные и языковые особенности подобных «постфольклорных» произведений, являющихся особым видом текста, заслуживают дальнейшего всестороннего исследования.

Литература

1. Некрылова, А.Ф. Фольклор и фольклоризм. Современное понимание / А.Ф. Некрылова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2024. — Т. 229. — Театрализованные представления и праздники в новом социокультурном пространстве. — С. 16–23.
2. Неклюдов, С.Ю. После фольклора / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. — 1995. — № 1. — С. 4.
3. Алексеевский, М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) / М.Д. Алексеевский // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. — С. 151.
4. Сулова, Т.И. Интернет-фольклор как средство коммуникации / Т.И. Сулова // Журналистский ежегодник. — 2015. — № 4. — С. 123–127.
5. Быстрова, К.В. Интернет как современный ареал бытования сказки / К.В. Быстрова // Филология и человек. — 2009. — № 1. — С. 166.
6. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков: монография / В.И. Коваль. — Минск: РИВШ, 2012. — С. 10–22.
7. Чикалова, А.А. Пародии на сказку в сети Интернет / А.А. Чикалова // Интернет и фольклор: сб. ст. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. — С. 152.
8. Луканов, А. Красная Шапка. Народная армянская сказка. — URL: <https://proza.ru/2013/12/21/2040> (дата обращения: 10.08.2025).
9. Каганов, Л. Сказка народов Чукотки про Красную Ушанку, её бабушку и рыбий жир / Л. Каганов. — URL: <https://leo.me/arhive/humor/skazki.shtml> (дата обращения: 12.08.2025).
10. Самойлов, Г. Американская Красная Шапочка / Г. Самойлов. — URL: <https://mychords.net/ru/gennadij-samojlov/236715-gennadij-samojlov-amerikanskaya-krasnaya-shapochka.html> (дата обращения: 09.08.2025).
11. Немерцалов, В. Красное Кимоно — Красная Шапочка на японский лад / В. Немерцалов. — URL: <https://stih.ru/2005/07/15-270> (дата обращения: 15.08.2025).

Поступила в редакцию 17.10.2025